

Часть пятая

Почти лирика

(непосредственные впечатления)

Глава 1

Два курьёза

Поездка предъявить себя живыми

Пока моя жена Люся и я жили в Дрездене, нам первые несколько лет требовалось ежегодно по декабрям ехать в Лейпциг, в российское консульство, обслуживающее Саксонию и, насколько помню, Тюрингию. Там мы получали от юриста справки-удостоверения о том, что в момент визита к нему мы ещё живы. Эти справки мы отправляли в московское пенсионное ведомство, и благодаря этому оно ещё год продолжало перечислять нам пенсии на наши счета в Сбербанке.

Вся эта процедура была сопряжена с затратами денег, времени и нервов.

Поездка стоила для двоих 110 марок (DM), две справки выдавали за 20 (в 2000 году они подешевели с 40), заказное письмо с уведомлением о вручении – 10. По немецкими понятиям эти траты, конечно, ничтожны, но мы их делали ради не немецкой, а российской пенсии, а

она составляла по 500 рублей на душу, т.е. по курсу того времени около 70 DM на двоих.

Эта поездка занимала приблизительно 6 часов и должна была начаться рано утром, так как справки выдавал только до 12 часов, а между Дрезденом и Лейпцигом больше 100 км, и желающих получить справку – много.

Самое приятное в этой поездке – транспорт, с российской точки зрения он безупречен. И, получив справки, можно было побродить по Лейпцигу, зайти в то кафе, которое согласно Гёте посещалиFaуст с Мефистофелем.

А самое неприятное – в консульстве. Несколько десятков человек ждёт в довольно тесном зале, а другие, пришедшие позже, – в очень тесном вестибюле. Некоторые и туда попадают с улицы не сразу. Люди, понятно, пожилые, старые, многие приехали издалека и не простым путём, почти всё время ожидания – стоя, туалет только внутри и далёк от немецкого стандарта. Происходят живые обсуждения, можно услышать и любопытные реплики – например, о служащих консульства: «Окопались евреи!». И не удивительно: люди простые, многие немецкие переселенцы из степей Казахстана, отведали высылку, лагерь. И они не очень реально представляют себе нравы в Мининдел, который уже давно обходился без евреев. Люся в таких случаях возмущалась, пыталась объяснить реальность и пристыдить.

В общем, это – поездка в родные пенаты.

Время бежит, мы такую поездку совершили уже три раза и собирались в четвертый, как вдруг звонит Весик. Одна наша решительная знакомая была так поражена представлению под таким именем, что наивно спросила: «Вы армянка?». Эта версия была отвергнута, обедамы – русские. Мне произносить такое игривое имя трудно, и я говорил по-простому Вера (имена изменены). И вот она, Вера-Весик, говорит, что она с её мужем Гришой собираются ехать за его справкой на их автомобиле, и они приглашают нас. Я был удивлен и радостно согласился.

Удивление же моё было вызвано и тем, что последний раз мы беседовали с Верой, не считая встреч на улице, как раз год назад в этом самом консульстве. Встретились мы там совершенно случайно, они совершали поездку туда на автомобиле, а мы на поезде; это и промелькнуло в разговоре. После этого мы раза два-три встречались на

тротуаре у нашего дома, против их или нашего подъезда. Да еще три года назад мы были у них в квартире.

Такова цепь удивительных совпадений, что в эмиграции мы с небольшим отставанием буквально следовали за ними: в страну, в город, в общежитие, в кооператив, сдававший квартиры. И этот кооператив предложил нам точно такую же квартиру, как раньше сдал им. Предлагаемая нам в это время проходила капитальный ремонт, и нам было невтерпеж посмотреть, как она будет выглядеть. Поэтому мы напростились посмотреть их квартиру, в которую они только что въехали. И не зря – квартира нам понравилась, и мы, спасибо им, решились. Вера куда-то ушла через минут 10 после нашего прихода, мы посмотрели квартиру, выпили (а была жара) принесенную с собой бутылку пива; Гриша отказался, сказал, что пьет соки.

Гриша – двоюродный брат моей первой жены Лены, и не исключаю, что наше неотступное следование в их фарватере им показалось подозрительным. Когда мы с Леной были женаты, он держался очень отдалённо от неё и от её семьи, но, может быть, как мне передали, он и правда переживал, что я лет 30 назад разошелся с ней?

Так или иначе, но в Дрездене мои отношения с Гришой оставались отчуждёнными, если не сказать никакими, и я не мог понять причину приглашения. Вряд ли ему так уж важен был наш взнос в расходы по поездке. Но не отвергать же её!

Итак, в 7:30, на рассвете мы подошли к их машине. И поехали.

Автострада идет на Север, мягкие холмы, зеленые поля, встало солнце, начинается чудный день. Появились известные нам строения аэропорта Лейпциг-Галле, он между этими двумя городами. Гриша объяснил, что он, обогнув Лейпциг, заедет в него с Севера, чтобы миновать пробки в городе. Он сверяется по маленькому листку с картой и наставляет Веру, чтобы она не пропустила съезд №19. Она требует, чтобы он не спешил, и громко отсчитывает съезды. Я смотрю на часы и замечаю, что, если бы выехал из дома к поезду в такое же время, то, пожалуй, был бы уже в вестибюле консульства. А мы всё едем по бану. Наконец, – искомый съезд, и мы въезжаем в город.

Проезжаем несколько улиц, и тут Гриша теряет ясность в том, куда ехать. С трудом найдя на тротуаре местную женщину, он велит Веру спросить, где зоопарк – по-немецки Zoo (сокращение слова zoologisch – зоологический). А лейпцигский зоопарк очень известен, наше

же консульство находится как раз за его стеной, и жирафы поверх стены наблюдают за деятельностью чиновников.

Вера опускает стекло и, повернув только голову, лаконично спрашивает: «*Rechnung Zoo?*», т.е. «направление Zoo?». Женщина ничего не понимает. Вера твердит это же несколько раз. Наконец, женщину осенило: «*Rechnung zum Zoo?*» – оказывается, без предлога *zu* и без остатка от артикля *der*, который говорит о том, что Zoo мужского рода и стоит в дательном падеже, она обойтись не может. Этот вариант ей подтверждают, и она многословно объясняет, как проехать к Zoo. Вера старается ее понять, Гриша, несмотря на неудобство своей позиции слева, тоже пытается вникнуть, и ближайшие два поворота как будто проясняются.

Такие опросы жителей повторяются многократно, и мы с Люсей замечаем, что уже в который раз минуем очень высокое колесо обозрения, а характерных зданий центра Лейпцига и тем более этого Zoo все не видно. После очередного поворота Люся, которую я с трудом удерживаю, чтобы не встревала (мы знаем в Лейпциге только центр, а наши хозяева – опытнейшие путешественники), вдруг радостно восклицает, что вот он Zoo. Действительно, промелькнули какие-то ворота с такой надписью, как мы думаем по их непрезентабельному виду, – задние, но мы уже проскочили мимо. Еще несколько поездок около колеса, опять мы видим эти ворота, но не можем никак к ним подъехать, и где передние ворота, которые у нашего консульства?

А между тем – уже около 11 часов. Гриша нервничает, его карта ему не помогает, спросить некого, да и понять местных трудно. Он и Вера спорят, на какой улице они ошиблись и кто. Наконец, он решительно останавливает машину и, ни слова не говоря, уходит. Через минут 10 приходит, молча трогает машину и постепенно объясняет, что какая-то любезная дама его из жалости едва не напоила кофе, о Zoo она что-то знает, но поражена тем, что витиеватое название улицы, на которой находится консульство, никогда не слышала. На вопрос же о том, знает ли она Лейпциг, она сказала, что – да, но здесь, мол, совсем не Лейпциг, а Галле. Со своим зоопарком, но поплоше (поэтому и ворота не те). А искомый Лейпциг – в 25 км.

Нужно отдать ему справедливость, Гриша стойко выдержал удар. Он предлагает примириться с тем, что о приезде вовремя не может быть речи, а тем временем несется на своем мощном Ауди все быстрее, не обращая внимание на пугливые взглазы Веры.

Вот и знакомые нам громадные ворота Zoo, напоминающие Бранденбургские, вот и жирафы. Подъехали к консульству за 15 минут до двенадцати, успели взять бланки и были обслужены последними где-то после часа дня. Оказывается, сотрудники любезно не выгоняют тех, кто успел войти внутрь.

Когда сели в машину, чтобы ехать обратно, Люся предложила сесть заготовленный ею бутерброды и запить их кофе из термоса. Вера же сказала, что она никогда не ест и не пьет на улице. И не садится на велосипед, хотя и умеет. Я сказал, что понимаю все неприятие еды и питья на улице, но велосипед со временем «Человека в футляре» вроде бы реабилитирован? Ответа я не понял, да это и не важно, т.к. хотелось-то именно есть и пить, а не ехать на велосипеде. Тем более что велосипед у нас был один на двоих, и зимой мы на нем тоже не ездили. Но еда с питьём отложились до дома, а приехали мы туда не так уж скоро: карты не было, уже образовались пятничные пробки, пошел сильный дождь.

Тем, что простая поездка осложнилась нелепым блужданием, Гриша был заметно расстроен, но, прощаясь с нами, не нашёлся выразить это словами (давно замечено: советский человек не научен извиняться или отнестись к ситуации, тем более к себе иронически). Совместная поездка не сблизила, он стал сторониться нас ещё тщательней.

Зато дома – привычная компания, Люся и я, как у нас было принято, прекрасно отпраздновала очередной, пусть и малый, успех в официальщине, сопроводившийся ещё и приключением. Для этого у нас был простенький къянти по 2-3 DM за бутылку.

Счастливый скептик

В случайном разговоре мне порекомендовали зубного врача, назовём её Тамарой: успешно лечит, внимательная и притом работает в центре города. Эта рекомендация наложилась на моё желание сменить врача, который делал моей покойной жене Люссе и мне прекрасные коронки, мосты, ей ещё и протезы, но располагался далеко и неудобно и с которым было связано слишком много эмоциональных воспоминаний.

Когда во рту что-то заныло, я направился по указанному мне адресу, чтобы договориться о приёме и заодно посмотреть на Тамару и

её окружение. Адрес вёл в сложные проходные дворы, и я уже отчаялся найти её, но мне любезно помогли рабочие-ремонтники. Они ввели меня в подъезд, на двери в которой ничего не было обозначено, проводили на этаж и указали дверь к врачу. После моих настойчивых звонков дверь приоткрыла тоненькая с виду смуглённая девушка, назвавшаяся потом Викой. Она оживлённо объяснила, что запись на приём к Тамаре осуществляется только по телефону и что врач ей не велела пускать в помещение не записанных. Я не стал препираться, ушёл и по телефону получил приглашение лично от Тамары.

Явившись снова, я был приветливо допущен Викой внутрь больших комнат. Тамара оказалась пожилой, на взгляд, измощдённой жизнью женщиной родом из Москвы, где она, по её словам, прошла школу прекрасных врачей. Покопавшись в больном месте и вокруг, он сказала, что никаких зубных реконструкций не требуется, а ограничится она тем, что положит между зубов лекарство. Если, мол, не поможет, придите. Я удалился готовый расцеловать обеих.

Лекарство помогло, и следующий визит для контрольного осмотра я нанёс приблизительно через год-полтора. Опять с трудом нашёл вход, и на этот раз дверь открыла не Вика, а Тамара сама. Она начала приём с влажной уборки в кабинете. Удивлённый, я спросил, почему это не делает Вика. Оказалось, что Вика неожиданно исчезла, а заменить её некем: приходят, де, невесть кто и не соглашаются на маленький заработок, соответствующий малому числу часов работы Тамары.

Теперь Тамара слегка почистили мои зубы и объявила, что мне требуется профессиональная чистка, которую больничная касса не оплачивает. Имея на это счёт отрицательный опыт капитального расковыривания дёсен, я отказался. Тогда Тамара объявила, что по поверхности зубов видно, что я скриплю зубами, и что мне нужно на ночь одевать на верхние зубы пластмассовый бандаж; его изготовление больничная касса оплачивает. Я согласился. Она очень ловко сделала слепок. Дальше последовали неумелое, на мой взгляд, оформление документов и требование лично заплатить не очень значительную сумму.

Через несколько дней я явился за бандажом. Пока Тамара, угодя моим капризам о неудобстве бандажа, подпиливала его, я, чтобы сделать ей приятное, спросил, не слишком ли у неё, судя по цвету лица, высокое давление. Оказалось, что с давлением она справляется, а

лицо красноватое от румян, нанесённых для оживления вида. Я перешёл на более нейтральную тему:

– Когда я вошёл, была приоткрыта дверь, видимо, в Ваши жилые помещения, а там я увидел множество книг. Не откажите, пожалуйста, поделиться, что интересного Вам за последнее время попалось. – На этот мой вопрос она ответила неожиданно:

– Ох, последнее время я ничего не читаю, кроме как в интернете. Я целиком влилась в сообщество ковид-скептиков, там замечательные люди, и я увлечена общением с ними.

Шёл 2021 год, тема была сверхактуальной, и при следующей возможности говорить я попросил пояснить, что это значит. Она с подъёмом прочитала мне краткую лекцию о том, что никакого ковида нет, меры против него выдумали, чтобы отнять у людей возможность общаться, самостоятельно мыслить и протестовать. Конечно, я и раньше сталкивался с не желавшими делать прививки, но то были стихийно недоверчивые и боязливые, а тут передо мной был совершенно убеждённый в своей правоте антивакцер, притом медик. И от неожиданности я не нашёл лучшего, чем напомнить, мол, ведь больницы переполнены, миллионы уже погибли! На это был ответ, мол, неизвестно погибли ли и от чего погибли. Поняв, что диспут бессмысленен, я, при первой возможности, задал шкурно важный для меня вопрос:

– Но всё-таки прививки Вы делаете?

И получил ответ, что, конечно, нет: зачем прививки, если нет эпидемии, а если бы и была, прививки всё равно бесполезны. Она вообще не признаёт прививок. Эти сообщения антиваксера, который копается во рту у меня, послушно прививающегося, естественно, обеспокоили меня, и я спросил в последней надежде:

– Ну, а как часто Вы проходите тесты?

Этот мой вопрос Тамара восприняла как совсем идиотский и ответила юношески глумливым смехом:

– Тесты! Ещё чего!

К этому она добавила свою уверенность, что мир идёт не туда, куда ей хочется, и она надеется теперь только на трёх людей: Путина, Си и бразильского, как его, – она забыла фамилию. Я тоже не вспомнил. Не решился я также обратить её внимание на то, что главный её кумир Путин, в отличие от неё, так опасается инфекции, что стал каким-то бункерным схимником.

После всего этого мне трусливо захотелось вон, и я несколько дней присматривался к себе, не заразился ли.

От этого знакомства осталось яркое впечатление о принципиальном протестанте со сложной, чтобы не сказать противоречивой, системой непробиваемых убеждений. Влившись в интернетное протестное сообщество, Тамара живёт, не в пример многим, не смеющим мыслить самостоятельно, – полной общественной жизнью! Она счастлива!

Попутно. Относительно повальных прививок и у меня возникло сомнение. Не в том, что они помогают, и не в том, безобидны ли они. Я не исключаю, что мы, как и в зелёной борьбе за экологию, в случае эпидемии слишком самоуверенно вторгаемся в естественный природный процесс – в данном случае препятствуем природе провести прореживание популяции людей, местами разросшейся слишком кучно.

Протестуют по самым разным поводам, и не удивился бы, что, в дополнение к сравнительно безобидным отрицанию ковида и неприязни прививок, Тамара сочувствует нападению России на Украину. В сущности, всё это плоды с одного дерева – антizападничества. Наталкиваясь на всё новые причуды западной цивилизации (о них, например, в части первой), человек отчаявается и полагает, что они неизбывны и что лучше опереться на иные идеалы; он резко сворачивает то ли влево, то ли вправо. Человеку подсказывают, что свет справедливости, душевности, братства, бескорыстности сияет с Востока, а то, что там этого ещё не достигли – издержки западного влияния и западных же козней.

Попутно. Как бы ни совершенствовалась жизнь, в ней будут обнаруживаться или ей будут приписываться всё новые недостатки. Усилия по преодолению их, в противоположность райскому довольству, надо думать, оградят человечество от деградации.

Подобных Тамаре протестантов, счастливых в своём протесте, я думаю, немало. По их поводу хочется иронизировать, но им можно и позавидовать.

А полученный от Тамары бандаж оказался востребован. Когда подступали мышечные судороги, я торопился вставить в рот бандаж, чтобы ненароком не повредить язык (однажды уже было: сразу с двух сторон откусил куски языка).

Спасибо Тамаре и за бандаж, и за открытие новой для меня стороны протеста!

Глава 2

Излечись сам

Данная заметка названа по аналогии с внешне сходным библейским речением «Врач, исцелися сам», означающим, что врач должен уметь исцелить себя, прежде чем браться за других. В заметке же, как увидит читатель, – нечто иное: не о враче, а о пациенте.

Эта заметка написана в надежде, что, если читатель попадёт в трудное положение, мой опыт общения с врачами ему пригодится. Важно сразу заметить, что этот опыт относится не к той замечательной германской медицине, которая доступна за деньги клиента, а к той общедоступной, которая находится под разносторонним контролем государства и оплачивается гораздо скромнее через больничные кассы или через социальное ведомство.

Сепсис без причины

С июля 2022 года почти год меня трепала болезнь. Внешние её проявления: высокая температура, иногда очень, озноб, дрожь, спазмы основных мышц, корчи, стук зубов, необычно высокое артериальное давление. Однажды не заметил, как прикусил с двух сторон язык (утром выплюнул сгустки крови). Продолжительность приступов – от нескольких часов до нескольких дней, после чего – слабость. Со вре-

менем научился предотвращать сильное развитие приступа с помощью медикаментов, понижающих температуру и давление крови, а также пледов, грелки к ногам. Значительную часть времени болезни отсутствовал аппетит, пища была противна и вкусом, и запахом, поэтому целыми днями не ел и в результате похудел с 75 до 55 кг.

С такими приступами попал в больницу дважды (Franziskus-Krankenhaus, который в метрах 500 от моего дома).

Первый раз дело было так. Служба ухода, оплачиваемая больничной кассой, повезла меня на ранее запланированный визит к психиатру. Пока ждал приёма, возник сильный озноб с такими спазмами лицевых мышц, что врачу не мог сказать ни слова. Меня отвезли не домой, а в больницу. Там в меня вливали многое, в основном антибиотик и через неделю выписали из больницы, заявив, что виной всему сепсис, но не найдя источник воспаления и лишь предполагая его в области урологии. Ввиду, как утверждал лечащий врач, моего крайне опасного состояния, он хотел отправить меня в загородное реабилитационное заведение, отправить даже без заезда домой, чтобы хотя бы взять то-сё, необходимое в заведении.

Надо сказать, что, когда в 2009 году в клинике Charite мне удалили рак желудка, социальный отдел клиники выдал мне направление в загородное реабилитационное заведение, куда после пары месяцев пребывания дома я вместе с женой Людмилой послушно отправился. По этому опыту я знал, что заведение такого рода является вовсе не отделением интенсивной терапии, а скорее санаторием и никакого отношения к больным в «крайне опасном состоянии» не имеет. Врач был очень настойчив, но, даже находясь в слабом состоянии, я не принял его предложение и, что называется, под свою ответственность с помощью своей соседки из соседней квартиры отправился домой.

Позже я понял, что настойчивость врача не была чистым вздором. Во-первых, двухэтапный переезд в реабилитационное заведение организационно труден; во-вторых, пребывание какое-то время дома совсем без медицинского наблюдения ему казалось опасным (для меня и, следовательно, отчасти для него). И всё-таки я не могу понять, как это было допущено, что

меня в «крайне опасном состоянии» отпустили из больницы, не вылечив, даже не поставив диагноза и не направив в какое-то другое заведение, более специализированное применительно к моему случаю.

Второй раз пришлось домой вызвать скорую, которая отвезла в ту же больницу, где осмотрели, убедились, что приступ кончился, и вечером вернули домой.

Мой домашний врач, бывший москвич, с которым мы с Люсей знакомы 25 лет, с первого дня пребывания в Германии, и временами приятельствовали, был уверен, что источник сепсиса, как обычно, урологический. Поэтому он меня направил к знакомому урологу, а тот выписывал очень неприятный урологический антибиотик. Это не помогало, а тем временем под влиянием приступов и недоедания я сильно ослаб, и моя способность противостоять болезни стала иссякать.

Прозрение

В мае 2023 года на вопрос о самочувствии я рассказал об этих приступах девушке из Харькова Маше, пришедшей ко мне по службе убрать квартиру. Она вспомнила, что аналогичные явления были у её отца, ему удалили жёлчный пузырь, и приступов не стало. Я посмотрел в интернете обычные признаки желчнокаменной болезни – холецистита, сравнили их с моими проявлениями приступов, и оказалось, что по большинству позиций я и холецистит совпадаем (кроме болей, которых у меня не было), и я стал дилетантски подозревать, что источник моих приступов не в урологии, а в желчном пузыре.

Я написал об этом домашнему врачу и напомнил ему, что несколько месяцев назад он с помощью УЗИ обнаружил у меня камни в желчном пузыре и сказал, что при возникновении в правом подреберье резкой боли нужно по скорой отправляться на срочную операцию по удалению желчного пузыря, которое проводится с помощью эндоскопического оборудования через проколы в животе. Написал, что я жду этого момента, а тем временем меня один за другим, одолевают приступы повышения температуры и т.д., что это похоже на холецистит и что последний был вчерашним вечером. Он немедленно вызвал меня к себе, осмотрел с помощью УЗИ, признал, что я прав, и выписал направление в клинику Charite, где я побывал раньше.

То, что домашний врач долгое время придерживался неправильного диагноза, меня не удивляет, ведь, как мне довелось читать, приблизительно 20% диагнозов в Европе – неправильные. Быть врачом-диагностом – высокий класс.

Я быстро явился в Charite, там сделали УЗИ и, видимо, решив, что случай для них слишком примитивен, и не спросив меня, перевезли на кресле в больницу Красного креста (Deutsches Rotes Kreuz – DRK).

Борьба с камнями

В DRK снова сделали УЗИ, затем МРТ и стали три раза в день влиять в вену антибиотик и делать ежедневный анализ крови.

Получив моё согласие, женщина-врач сделала канал через мой правый бок и через печень к протокам, соединяющим печень и жёлчный пузырь с двенадцатiperстной кишкой. Вся процедура с помощью рентгена проецировалась на большой экран, и я с интересом наблюдал её. Целый час она мяла живот, чистила и старалась сдвинуть большой камень в протоке. Было болезненно, но почти безуспешно. Через об разовавшийся катетер осуществили постоянны дренаж во внешний пластиковый мешок. Выливалась жидкость цвета мочи, которая в мешке становилась чёрной. Затем через пару дней с тем же возился молодой парень. Опять не вышло.

Стали три раза в день влиять в вену ещё и по литру жидкости, размягчающей камни. Видимо, из-за неё распухли ноги и кисти рук, кожа ног натянулась и стала чесаться. Через неделю я отказался от этого вливания.

Через несколько дней опять возились с камнем, но теперь даже под наркозом. Всё равно не вышло. Следующий, уже четвёртый, заход на камень оказался, как сказали, более успешным, но увидели, что появился ещё один. Врачи поняли, что бороться с камнями бессмысленно и нужна операция.

Уже пережив к этому времени несколько операций, я верил (и верю) в мастерство германских хирургов и уже после второго захода просил прекратить борьбу с камнями и оперировать. Наконец мне было сообщено, что операции назначена через месяц.

Я находился в больнице уже три недели, и, казалось бы, дальнейшее пребывание там стало бессмысленным. Однако, из-за плохого состояния моей крови выписывать меня не хотели, как будто пребывание в больнице чем-то отличается от домашнего, кроме исключительно однообразной еды, лежачего соседа в глубокой деменции, влияния антибиотика, мелькания сестёр разнообразного происхождения, в большинстве невнимательных и даже непрофессиональных, и все-

возможных неудобств, довольно унизительных. По моему настоянию и опять под мою ответственность доктор вытянула катетер и залепила дырку от него пластырем. Меня доставили домой.

Вовсе не считаю, что метод борьбы с холециститом путём дробления камней плох сам по себе. Он не годился именно в моём случае, потому что требовал столь длительного вмешательства, которое я, старый и уже физически и психологически сильно ослабленный длительной болезнью, в некомфортных условиях больницы DRK не мог выдержать.

Месяц дома

Почему приступов не было несколько дней до больницы, догадаться не могу, но их отсутствие в больнице и после неё объяснимо, на мой взгляд, вливанием антибиотика, затем чисткой протоков и, наконец, кардинальным мероприятием – удалением источника сепсиса.

За первую неделю дома, несмотря на обильную и калорийную еду, похудел на 3 кг. Приписываю это тому, что почки удалили из организма лишнюю жидкость; опухлости рук ушли, а опухлости ног вернулись к положению до больницы, вполне терпимому.

Ожидание увеличения веса, нужного перед операцией, оправдалось незначительно. Но помаленьку стал двигаться: вокруг квартала, рядом по парку и даже в ближайшие магазины. Было одно желание: потолстеть бы и продержаться до операции!

Операция

В середине июля, в понедельник, моя служба ухода доставила меня в больницу, где мне сделали небольшое предоперационное обследование и под расписку объяснили суть операции и наркоза. Через часа три та же служба вернула меня домой.

Через два дня, в среду, она же доставила меня на операцию. Мне предоставили койку и халат в том же отделении, где я месяц назад провёл три недели. Через пару часов на той же койке меня повезли в операционную. Там я перелез на операционную скамью, где меня быстро усыпили. Врача, делавшего операцию, я не видел.

Очнулся я опять на своей койке в предоперационном зале, откуда через час повезли обратно в мою комнату. Там, как обычно, прибли-

зительно в 18 часов предложили ужинать согласно универсальному меню как завтрака, так и ужина: хлеб, масло, колбаса, сыр, немного салата с помидором, творога, йогурта и чай или кофе. С прошлого вечера не евши, что-то поклевал.

На следующий день стал двигаться, а ещё через день, в пятницу, переменили наклейки на дырках в животе, снабдили запасными наклейками, обезболивающими таблетками и врачебным заключением, подарили баночку с вынутыми из меня камнями, и затем на кресле отвезли к двери моей квартиры, куда вошёл своими ногами.

Возврат к доступной норме

Дома меня окружили обычные бытовые заботы, но и удовольствия тоже. Первое время я ел так много, как никогда не позволял себе, оттого прибавлялся вес, даже появились мышцы. Хожу, но координация и устойчивость подводят, так что приходится не столько заглядываться на окружение, сколько контролировать ноги. Понемногу становился сильнее, но не умнее: заметно ослабла память, зато усилились болезненная растерянность, неуверенность, особенно в чуть необычных обстоятельствах.

Много лет не посещал никаких публичных мероприятий: болела жена Людмила, потом депрессия по ней, потом сам заболел, да и не с кем идти, а в одиночку не привык. И вот недавно приятельница вывела меня на выставку работ А. Дюрера (его портретами поражён).

Как было бы хорошо, если бы врачи догадались сделать мне эту операцию годом раньше!

Позднее дополнение

После операции были ещё два приступа, оба лёгкие. После них уже полгода приступов нет.

Глава 3

Прелесть конечной жизни

Я живу так долго, что уже можно сказать очень долго. Видел за это время много и прекрасного, и ужасного, старался всё это понять и, кажется, кое-что понял – не только в профессии, но и в жизни, как индивидуальной, так и общественной. Теперь пришла пора понять основное в жизни – что нам даёт волю к жизни вопреки пониманию о приближении смерти. На моём далеко не учёном уровне, ни светском, ни религиозном, на уровне примитивном, эта тема выглядит не такой уж сложной. В этой заметке я записал то основное, что думаю об этом.

Встречи со смертью

Вблизи меня ушло из жизни много людей, чей уход оставил в душе незабываемое впечатление.

Первое тело в гробу я увидел приблизительно в 1957-58 году. В бедной комнате большого доходного дома на улице Горького близъ Белорусского вокзала на столе стоял гроб с телом моего бывшего одноклассника Устинова. Он отличался от прочих спокойной солидностью, сдержанностью и как староста класса был ровен со всеми. После окончания горного института его «распределили» в район Кемерово, на шахту. Поработав там, он стал просить об увольнении, чтобы вернуться в Москву к одинокой матери. Ему отказали и в случае самовольства пригрозили расправой. Хотя время было уже не сталинское и ему, если бы он просто уехал, вряд ли могли сильно навредить, конфликт с начальством вызвал в нём такой панический страх, что его психика серьёзно нарушилась, к работе он стал не пригоден, и его всё-таки пришлось уволить. Чтобы его, уже психически больного, перевести домой, за ним отправилась мать. На обратном пути он боялся, что

его догонят и расправятся. Он вышел в тамбур покурить и бросился между вагонами. Всё это мне известно со слов его матери. Видимо, он не вынес муки страхом.

В 1959 году в авиационной катастрофе погиб мой старший брат (см. нашу с ним общую книгу [Кн. 4]), и это стало для меня тяжелейшим переживанием.

Затем ушли из жизни родители моей первой жены Лены, затем – второй жены Люси, затем похоронил собственных родителей (см. [Кн. 4]). Несколько лет назад в Англии умерла Лена.

Я часто вспоминаю их, и даже как будто слышу Ленин бодро интонированный голос. Она была учёным врачом в глазном институте им. Геймгольца, и помочь многим её слишком стареньким пациенткам она могла только лишь оптимистически приподнятым разговором; они уходили от своего врача уваженными и утешенными.

Провожал из жизни и тех, кто меня учил профессии, кто руководил моими первыми шагами в ней (см. там же).

Похороны моих родителей я организовывал сам (больше было некому), а в остальных лишь участвовал. На похоронах моего замечательного коллеги Эрика Смирнова сказал надгробное слово о его не реализованном таланте. А на похоронах Лены не присутствовал: к тому времени Люся уже болела, так что было невозможно ни взять её с собой, ни дома без меня оставить.

Моя мама жила долго и в глубокой старости постепенно теряла координацию движений, интеллект и интерес к окружающему. Мир уменьшился для неё до её маленькой квартиры, любимой липы за окном, девушки, которых я подселял к ней для оживления её жизни, и укоров мне за то, что звоню и прихожу много реже, чем ей нужно. До последнего дня она дома как-то двигалась, иногда падала. Последние годы её жизни мне и Люсе пришлось довольно плотно её опекать (поглубже – в уже упомянутой книге). Умерла она ночью во сне, об этом жившие у неё девушки сообщили мне утром по телефону. И это был первый мой опыт близости к угасающему человеку.

Четыре года назад, в марте 2020 года, умерла Люся, моя возлюбленная, коллега, самый близкий друг и жена в течение 50 лет. Её длительное угасание, наиболее явное – в течение последних пяти лет, я подробно описал в [Кн. 5]. Оно измотало меня и так глубоко вошло в моё сознание, что постоянные вспоминания и размышления о Люссе

привели и к депрессии, и к новым важнейшим для меня соображениям о способности жить жизнью, которая неизбежно конечна.

Знание о смерти

Жизнь любого существа заключена между рождением и умиранием, но из всех существ только человек, чуть выйдя из детства, уже знает, что он – не исключение. Волей Высшего существа или в результате невообразимо редкого сочетания неисчислимых мутаций хромосом, за миллионы лет он приобрёл способность мыслить и понял, что смертен. Именно это знание (не от того ли коварного Змия оно получено?) и вследствие него страх неминуемого исчезновения – главная особенность человека, его беда и его преимущество.

Все существа наполняют свою жизнь поиском пропитания и созданием тёплого безопасного угла, созданием потомства, его обучением приёмам жизни. Все стремятся к удовольствиям от всего этого, бывают даже счастливы, но вместе с тем приходится испытывать муки голода и холода, страх быть сожранным хищником или убитым ради удовольствия садиста. Когда приходит срок, слабеют; если болеют или получаютувечье, испытывают боль; в любом случае постепенно теряют сознание и умирают.

Человеку сложнее других существ. Люди поняли, что с течением бесконечного времени по планете проходят поколения разных существ и людей тоже. Почему и зачем всё это устроилось, вряд ли объяснимо; похоже, в этом не больше смысла, чем в повторяющемся движении планет по их орбитам вокруг солнца.

Если бы пониманию всего этого не было противовеса, жизнь человека в его собственных глазах потеряла бы цену, стала бы невозможной, но противовес есть: в каждом существе заложен бессознательный сильнейший инстинкт сохранять свою жизнь. В сущности, этот инстинкт даёт человеку мужество жить вопреки осознанной конечности жизни. Её сохранению способствует и более сложный вынужденно выработанный со временем инстинкт – создавать потомство, сосуществовать с себе подобными, сосуществовать мирно или агрессивно, будь то индивидуально или в вместе со стаей или государством.

То, что люди почти всегда, имея инстинкт сохранять жизнь, осознают главный страх – страх смерти, делает их несчастнее других су-

ществ и вместе с тем деловитее, успешнее. С некоторых пор они стали понимать, что каждого, и вождя племени, и раба, подобно любой москве, ждёт момент, за которым каждый – лишь тело, не управляемое ни сознанием, ни бессознательной способностью к взаимодействию его частей. С тех пор они думают и действуют интенсивнее.

Осознав неизбежность смерти, люди стали мечтать хоть о каком-то виде существования после смерти, о бессмертии некой души (у некоторых народов – и о бессмертии тела; отсюда мумии). Мечта стала надеждой, и люди создали замечательные религии, обширные религиозные учения, готовящие к неизбежной смерти, примиряющие с ней как совершающей по высшей воле (у А. Грибоедова: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!»). Они развили инстинкт совместной жизни в семье, в стае до понятия о морали и до законов сосуществования стай и государств. Создавались разные формы общественной жизни, развилась способность понять окружающее и себя средствами искусства, религии, науки. Одновременно создавалось многое революционирующее практическую жизнь – вплоть до интеллектуальных компьютеров, полётов к другим планетам и всё более совершенных методов использования ядерной энергии.

Воля к жизни

В результате развития люди поразительно многим отличаются от животных. Ведь большинство людей могут разговаривать и даже читать объявления и смешные или детективные истории. Часть из них может ещё и писать или отличить слово преемник от слова приёмник, даже когда последнее написано в виде приемник. Некоторые уникимы могут помножить в уме число 17 на число 18, открыть квантовую теорию, сочинить симфонию или роман, проповедовать доброе-вечное, сделать пересадку сердца или создать ракету и, как стало видно в этом году, направить её на жилой дом в соседней стране, ласково называя её народ братским. Люди обрели удивительную способность любви друг к другу, и это чувство для многих важно всю жизнь и даже после смерти любимого.

Осознание себя лишь каплей в непрерывно следующих друг за другом волнах не означает даже для нерелигиозных людей, что жить бессмысленно. Во-первых, у нас, как и у любых существ, имеется, как уже сказано, могучий инстинкт сохранять свою жизнь. Во-вторых, со-

здавая всё, только что упомянутое, и многое другое, или только лишь используя уже созданное, люди способны испытывать удовольствие и даже наслаждение, радость. Нам дано наслаждаться жизнью!

Кажется циничным утверждать, что цель существования – удовольствия, но люди, в отличие от животных, вовсе не ограничиваются удовольствиями эгоистическими (не говоря уж о всяких садистских, палаческих). Такого рода удовольствия сатирически описаны В. Маяковским в стихотворении «Даёшь изящную жизнь» (его начало: «Даже мерин сивый / желает жизни изящной и красивой.»). Молодёжь в романе «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского называла такое поведение «живь в брюхо». Нет, человеку может доставлять удовольствие его альтруистическая деятельность (жертвенность, волонтёрство, благотворительность, правозащита, защита родины и т.п.), процесс или результат труда, особенно творческого труда. Он может наслаждаться красотой природы, произведениями искусства. Не говоря уж о более сложном – о создании нового в мастерстве, в науке, в искусстве.

Попутно. Бертольд Брехт перечислил несколько удовольствий в совсем коротком стишке (он представлен в натуральном виде и в дословном переводе).

Bertolt Brecht, 1898-1956	Бертольд Брехт
Vergnügen	Удовольствия
Der erste Blick aus dem Fenster am Morgen	Первый вид из окна утром
Das wiedergefundene alte Buch	Снова найденная старая книга
Begeisterte Gesichter	Восторженные лица
Schnee, der Wechsel der Jahreszeiten	Снег, смена времён года
Die Zeitung	Газета
Der Hund	Собака
Die Dialektik	Диалектика
Duschen, Schwimmen	Душ, плавание
Alte Musik	Старая музыка
Bequeme Schuhe	Удобная обувь
Begreifen	Понимание / постижение
Neue Musik	Новая музыка
Schreiben, Pflanzen	Писание, растения (насаждение)
Reisen	Путешествия
Singen	Пение
Freundlich sein	Быть дружелюбным
1954	

Любопытно, что Брехт, видимо, нарочно свалил в кучу совершенно разнородные удовольствия: от очень конкретной *Удобной обуви* до абстрактного *Понимания*, но не

коснулся общественной и театральной жизни (разве что «Восторженные лица»; но где они – в зале театра или на гитлеровском сбороище?). Он не коснулся и социальных проблем, которые, судя по его пьесам, волновали его сильно. Правда, в ГДР, где Брехт руководил знаменитым театром, с общественной жизнью были большие сложности. И, что совсем удивительно, отношения с людьми он ограничил дружелюбием, остановившись далеко не только от нежной любви, но даже и от страстной. Впрочем, невозможно укорять его за индивидуальный выбор удовольствий. Я же разделяю склонность не ко всем частям перечня Брехта.

Мои скромные удовольствия

Мне доставляет удовольствие вспоминать давно мне недоступные счастливые ситуации. Эти воспоминания часто способны перевесить тяготы одинокого старческого существования с его нудным бытом, осторожностью движений, разнообразными недомоганиями, визитами к врачам, в больницы. Вот эти ситуации:

- Общение с другом.
- Близость с любимой.
- Понять и придумать что-то в своей профессии.
- Завершить дело и сказать себе: «Хорошо получилось!».
- Быть в доверительном кругу друзей, у костра.
- Грести на двупарной лодке, плыть под парусами.

Чтобы не показаться законченным ворчуном, назову и сегодняшние удовольствия.

Читаю важные для меня книги, смотрю новости и статьи в газетах, в интернете. (Недавно встретил у Тэффи удивительно пронзительные описания переживаний детей. Например, о маленькой девочке, которой на улице грубо отказали погладить собаку: «Дети страшно остро чувствуют обиду и унижение. Я помню до сих пор, как она втянула голову в плечи, стала вся маленьким жалким комочком и закосячила к няньке.»)

Иногда удаётся помочь кому-то ободряющим словом, советом, или, совсем редко, – хоть небольшим делом. Радостно сделать приятное хотя бы просто вежливым обращением или улыбкой и получить, в чём здешние встречные не всегда отказывают, улыбку в ответ! Но круг родственной близости, дружбы и просто общения катастрофически сузился – до одиночества. Расплачиваюсь этим за долголетие.

Пытаюсь лучше понять прошлое и настоящее своего отечества, представить себе его будущее, а оно выглядит как никогда тревож-

ным. Вникаю в суть происходящих в Украине и в Палестине ужасных, но и прекрасных событий. Радуюсь, когда узнаю, что человеку или целому народу удалось справиться с бедой, отстоять свои права, свою свободу, независимость или хотя бы, как народу Украины, мужественно встать на этот путь. Огорчаюсь распрыами в Израиле: они отвлекают его от серьёзнейших внешних угроз. Многое происходящее в мире мне представляется странным; например, не легкомысленно ли ряд европейских стран открыли ворота далеко идущим этническим преобразованиям и увлеклись переделкой климата планеты? Утешает лишь память о том, что в мире никогда не было спокойно и люди, как ни тяжело было, выживали. Нельзя ли это экстаполировать на будущее? Разум говорит, что нельзя, но всё-таки есть надежда.

То, что мне кажется понятным, стараюсь записать для себя и представить для интересующихся на моём сайте, потом в книге. Говорю себе, что слово – это тоже дело!

С годами приходится многовато уделять внимания своим нездоровьям. Стараюсь по мере сил прошвырнуться в соседнем парке, сделать элементарные упражнения дома. Выполнив это, хвалю себя.

Осенью клён перед окном долго оставался совсем зелёным, затем, позже многих деревьев, стал зелёно-жёлтым, стал облетать. А к концу ноября первый раз выпал снежок и, вдруг, сделал клён почти белым. Но и тогда он не облетел! Весной я увидел, как снова пробились и стали подростать листья.

Ухаживаю, как умею, за своими чахлыми begonias. Стараюсь почаще поставить в высокую узкую вазу белую розу, розовую внутри; такая роза как-то ассоциируется со стойкостью и напоминает о моей покойной Люсе. Печалюсь, когда через неделю роза увядает. Проведываю неподалёку удивительно стройное деревце (не куст!) сирени; раньше мы восхищались им вдвоём. Какое наслаждение наблюдать, как маленькие дети бесстрашно лазают по аттракционам, а дети чуть постарше играют в футбол или так размашисто, так быстро бегут наперегонки. Упорядочиваю рутинный быт, чтобы он требовал поменьше внимания. Порядок в квартире для меня привычен, важен с детства, когда жили в тесноте. Пока удаётся его поддерживать.

Когда было плохо, бывало, лежал на диване, укутавшись пледами, головой под небольшим окошком и видел верхушку липы на фоне

неба; радовался, если небо голубое с редкими облаками и ветки освещены солнцем и колеблемы ветром.

Болезни и надежды

Я за год перетерпел несколько волн тяжёлого сепсиса (высокая температура и пр. – глава 2 этой части) и научился при приступе не паниковать, а не давать ему слишком развиться. Складывалось так, что для жизни оставались лишь паузы между приступами.

Была надежда, что благодаря антибиотику эти волны кончатся, но она не оправдалась. Со временем стало ясно, что приступы идут от закупорки камнями протоки от жёлчного пузыря, и в больнице на опыте убедились, что чистить её бессмысленно, а надо удалять сам пузырь. С нетерпением ждал операции, наконец, в июле 2023 года, её сделали; с жизнью без пузыря быстро свыкся, и появилась надежда, что приступы не возобновятся и какое-то время новые болезни не придут.

На фоне этих мытарств возник естественный вопрос: стоит ли платить за продление жизни часто предлагаемую цену – производство над своим телом унизительных медицинских манипуляций, которые, в сущности, становятся единственным содержанием жизни, подменяют её? Ведь жизнь достойна продления, пока она интересна, доставляет удовольствие, пока она не свелась к борьбе за её же продление.

Мы приходим в мир и уходим из него, и даже деревья не вечны, старые сменяются молодыми. А мир остаётся трагически прекрасным.

Жизнь трудна, для многих ужасна. Современность даёт жуткие примеры. Зимой в Украине – без электричества, а значит и без воды, канализации и тепла; и это, не говоря уж о зимнем бдении в окопах, о смертях и о страданиях изувеченных. Или – вторжение арабских боевиков из Газы в приграничный Израиль, чудовищные их зверства над мирными людьми; ответное тяжёлое сражение армии Израиля с этими боевиками среди города и его несчастных жителей, а также в тоннелях под городом. Легко ли людям переживать всё это?

Но, пока жизнь выносима, пока не отняты хоть какие-то радости и, что ещё важней, живо сочувствие к несчастным и сохранились надежды, пока что-то из этого есть, жить и сопротивляться тому, что нас старается сломить, – да, стоит!

2023-24 г.г.